

ТЕАТР

На сцене — пьеса Л. Толстого

«Власть тьмы»
в Малом театре

Малый театр открыл пышные гастрели в Ленинграде спектаклем «Власти тьмы» Л. Толстого в постановке режиссера Б. Равенских. Писатель изобразил в пьесе ужасающие, трагедийные события, но раскрыл в ней и великую веру в человека. Он назвал свою знаменитую драму «Власти тьмы», но привнес в героя и нравственному просветлению. Добро восторжествовало в душе темного крестьянина Никиты, ибо добро составляет подлинную основу народного характера. Импело так питает театр одно из сложнейших произведений русской да и всей мировой классической драматургии. Исконный гуманизм нашей литературы и нашего театрального искусства сказался и в новом спектакле «дома Островского», «дома Щенкина».

Истолкование «Власти тьмы» Малым театром, вызвавшее большую дискуссию в московской печати, — один из примеров той творческой смелости, которая характерна для лучших традиций советского режиссерского и актерского искусства. Спектакль, насыщенный народными напевами, ладунши на фоне ярких пейзажей, отличается большим художественным своеобразием. Это своеобразие на первом взгляде может даже показаться нарушением строгой художественной природы пьесы, отступлением от простой и

ясной реалистической манеры Толстого. Но на самом деле оригинальность режиссерского решения есть следствие глубокого проникновения в смысл произведения. Режиссер в острой и многогранной сценической форме выявил лучшие черты пьесы. Это была задача нелегкая.

В сложных судьбах героев «Власти тьмы» писатель показал беспощадную, звериную силу собственных инстинктов. Именно стремление жить «свободной» жизнью, сделавшись «хозяином», толкнуло батрака Никиту на преступный путь. Рожденное в ищите слепое представление о счастье как о богатстве затмило дубину старой Матрены, способствовавшей преступлению родного сына. Ненависть Толстого к капитализму открыто выразилась в пьесе в знаменитом разговоре Аким и Митрича о деньгах. Но власть денег для писателя оборачивалась властью греха; потому-то он и предостерегал пьесу эпиграф из святого. Призыв к богу и «божескому», звучащий в устах Аким, должен, по Толстому, спасти Никиту, спасти в час покаяния. Так великий художник Толстой попадал в плен ложных взглядов Толстого-проповедника.

Преодолевая «кричащие противоречия» писателя — трезвое реалиста и одновременно морализующего философа, раскрытые В. И. Ленинным в его гениальных статьях Толстом, Малый театр пошел по пути наибольшего сопротивления. Постановщик спектакля Б. Равенских и исполнитель роли Аким артист И. Ильинский довершили толстовской характеристике умудренного жизнью бедного крестьянина, раскрыв его глубокую цельность, нравственную силу, душевную энергию. Убеждение Аким поныта театром как исторически сложившаяся сумма взглядов, в которых проявились крестьянские идеалы справедливости, человечности. Да, эти взгляды нанивбатрака Никиту на преступный путь.

Зоркость взгляда Аким — Ильинского, с грустью всматривающегося в затуманенные водкой глаза сына, который кичится положением «хозяина», требовательность его нитонный и категоричность мысли — слагают в спектакле образ человека большой нравственной красоты. Когда, сидя на печи в избе Никиты, Аким — Ильинский словно застыл в молчании и не смотрит на

сына, чтобы не видеть, как он курит, а потом, не сдержав своего негодования, уходит из избы в ночь, во выгу, — это бунт чистой души при виде человеческого падения, протест против того мерзкого пути, на который вступили Никиты.

Понятие страшные дела происходят в избе, и захлопнул порог и за сеновалом деревенского богатея. Но эти страшные дела — порождение темного быта, бесчеловечного собственного уклада. Не они составляют суть народного характера, но в них выразился взгляд Толстого на русского крестьянина. Этого не хотели понять высокопоставленные царские чиновники, запрещавшие пьесу «Власть тьмы» и обвинявшие Толстого в отрицании идеала, в унижении нравственного чувства. Творение великого писателя было и с подлинной идейной силой расправы советский театр. Торжеству правды и совести, мысли о том, что нет такой силы, которая способна растоптать великую духовную стойкость русского народа, посвятил спектакль «Власти тьмы» режиссер Б. Равенских и раскрыл такое понимание пьесы не только в образе Аким. Контрастом тьме, которая заглушает человеческое в человеке, служит не только нравственная пропаганда.

Действие спектакля не замыкнуто тесными пределами крестьянской избы или двора, подобно тому как и его «звучащая атмосфера» не ограничивается старой «деревенской» лексикой с ее своеобразной лексикой и метастатическими, точно сказочными и блестяще переданными В. И. Ленин, характерными мировоззрением Толстого. Но у таких людей, как Аким, они были глубоко искренни, внутренне озарены.

Зоркость взгляда Аким — Ильинского, с грустью всматривающегося в затуманенные водкой глаза сына, который кичится положением «хозяина», требовательность его нитонный и категоричность мысли — слагают в спектакле образ человека большой нравственной красоты. Когда, сидя на печи в избе Никиты, Аким — Ильинский словно застыл в молчании и не смотрит на

заунывные, то развеселые русские пейзажи, всегда лишенные как будто из самой души и такие же широкие и раздольные, как русские пейзажи. Есть в этих пейзажах (художник Б. Волкин) и песнях (композитор Н. Буданкин) не только мощь русской природы, столь близкой для удалой русской натуры с ее неумротимой энергией, но и чистота воздуха, и перспектива, и красота бездонного русского неба. И когда на таком декорационном и музыкальном фоне развешивается жестокая трагедия, изображающая духовная тьма, уродующая людей, — сила этой тьмы не кажется непобедимой, трагизм перестает быть безысходным. Зритель — свидетель мрачных событий пьесы — все время помнит о величии народной жизни, о шире и мощи земли, расстилающейся перед человеком.

Такой образ спектакля повествоно передает это идейное содержание, раскрывающееся прежде всего в характеристика действующих лиц. Смотрящий глазами голубыми глазами, кудрявый, как будто не зноуший, куда летать свою уауа, Никита (артист В. Доринин) — охотник не прирожденный людей, а загнанный человек. Весь спектакль он находится как бы в борьбе с самим собой. Артист доводит сцену с гармоникой («Ох, скучно мне, как скучно!») до большой драматической силы. Стремление к добру не умирает в Никите, хотя оно и заглушено в нем настолько, что он идет на чудовищное преступление. Быть может, для завершения образа Никиты финальная сцена должна прозвучать у артиста более драматично и в то же время светлее. Большой призывности, сердечности ожидался в финале и от И. Ильинского.

Режиссер стремится выявить в спектакле всю сферу хороших влияний на Никиту. В момент последнего савания Никиты и Марини в пятом акте своеобразным музыкальным напевом звучит валс. Это — воспоминание о том, как Никита и Мариня встречались «на пугаче», в рабочей бреле, где зародилась их любовь. Ночное небо будто опускается над ними ласковым пологом;

не тут ли пробуждается душа Никиты? Не только Аким, но и молодая женщина оказала на него свое светлое воздействие.

Духовная стойкость отличает в спектакле чистый образ Марини — Ю. Бургиной. Горячий огонек все время светится в трогательной Лиютке — К. Рокк. Детская чистота Анютки все время как бы тревожит совесть Никиты. И если темпераменту Анисья — С. Чуваева, а тем более Матрени, беспощадно охарактеризованная Е. Шаровой, не могут вырваться из духовной тьмы, то последняя фраза Акулины — Э. Давлатовой, признающейся в том, что и она участвовала в преступлении Никиты, звучит в спектакле как знак будущего нравственного просветления Акулины. Эта фраза завершает созданный артистом оригинальный и брошенный образ.

Сверкает светлая искра и в сценическом образе Митрича — М. Жарова, прорывающейся сквозь пасмурную неслучайной жизни отцовского солдата. Значительное простодушие и вместе с тем трезвость мысли отличают образ Митрича, созданный артистом. Это особенно закономерно в спектакле Малого театра еще и потому, что режиссер и исполнители совершенно отказываются от одиознейших, легко напришавшихся характеристик действующих лиц. Например, хорошо, что Петр у артиста Б. Горбатова как будто задумывается о жизни, влияющая вокруг себя, и кажется, что одна тяжкая болезнь мешает ему стать и зорче и глубже.

Сила воздействия спектакля «Власти тьмы» велика. Это — сила реалистического искусства, насыщенного большими нравственными проблемами, теми вопросами; которые поднимал в своем творчестве Л. Толстой, чья произведения снова и снова привлекают и воспитывают. Это — сила советского театра, видящего в классическом наследии неисконный источник для своего творчества.

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

На сцене: сцена из спектакля Фото Г. Косовалова